

Постников В.С., Постников С.В.
**РУССКАЯ ВОЕННАЯ НАУКА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Теперь доподлинно известно, что подготовка к новой войне велась на Западе по всем важнейшим направлениям, в том числе и путем разработки новых теорий ведения войны и достижения победы. Ведущую роль в этом играла военная теория Германии, в которой особенно активно разрабатывались формы и методы ведения войны, предусматривающие разгром противника в непродолжительной, так называемой молниеносной войне (блицкриг). Но и в других западных странах военная мысль была довольно активной. Достаточно сказать, что быстрое распространение получила теория «воздушной войны» в Италии, Франции, Великобритании и США, а теория «танковой, или механизированной, войны» во Франции.

Что касается состояния военно-морской теории, то здесь господствовали взгляды А. Мэхэна и Ф. Коломба, которые продолжали считаться незыблемыми авторитетами военно-морской стратегии. Никто из западных военных ученых не пытался даже ставить под сомнение правильность высказанных ими взглядов.

Таково вкратце было состояние военной науки на Западе в период, непосредственно последовавший за Первой мировой войной. Он был переломным для ее (науки) развития. Некоторые военные теоретики пытались умозрительно представить себе характер и способы ведения будущей войны. Другие решительно преодолевали прежние, сложившиеся представления о войне, формах и способах ее ведения, пытались вырваться из плена опыта Первой мировой войны. Иные же пускались в явный авантюризм и без всяких научных обоснований выдвигали крайне односторонние теории, причем главными причинами их появления были не гносеологические, теоретико-познавательные, а чисто социальные, идеологические.

Особое место в странах Запады занимала военная мысль, развиваемая эмигрантами из России. Они оказались там после Первой мировой войны (1914–1918), Гражданской войны в России и военной интервенции (1918–1922) либо покинули страну из-за неприятия советской власти. В числе эмигрантов было немало военных профессионалов, историков и теоретиков. Они внимательно следили за военно-политической обстановкой в мире, тенденциями развития военного дела, анализировали их, публиковали статьи в журналах, книгах, а также излагали свои взгляды на разного рода курсах и в некоторых военно-учебных заведениях.

Круг интересов зарубежных русских военных историков и теоретиков был достаточно широк. Это прежде всего история Первой мировой войны и Гражданской войны в России, а также история русской армии (Н.Н. Головин, А.К. Байов, А.А. Зайцов, Л.П. Карсавин и др.) Большое внимание уделялось исследованию проблем общей теории войны, военного искусства, теории управления войсками, строительства вооруженных сил, а также военной

психологии и социологии (Н.Н. Головин, Е.Э. Месснер, Ю.Н. Данилов, И.А. Ильин, А.А. Керсновский, Н.С. Тимашев, В.Н. Доманский, Н.Я. Галай, Н.Н. Львов и др.) Однако многое из того, что было разработано представителями русского зарубежья в межвоенные годы, оказалось невостребованным в минувшем столетии.

Совершенно особое место среди них занимает творчество выдающегося русского военного мыслителя А.Е. Снесарева (1865–1937). Его идеи основывались на практике царской армии, но, в отличие от его современников, царских офицеров, были востребованы и в советской общественно-политической мысли.

Вклад А.Е. Снесарева в теоретическое и философское постижение войны огромен. Только он его полностью не систематизировал, а исследователи его творчества долго не обращались к этой теме. Да, собственно, не было самой такой возможности. Только в нач. XXI в. началась публикация его рукописей, в которых рассматриваются военно-философские проблемы. В 2001 г. в Академии Генерального штаба была опубликована рукопись Снесарева (1924) «Жизнь и труды Клаузевица», а в 2002 г. – «Философия войны». Обе работы были выпущены мизерным тиражом в 100 экземпляров. Этими работами положена основа для исследования военно-философского наследия Снесарева. Правда, еще не завершена публикация его писем и дневников, в которых также Снесарев обращается к военно-философской проблематике, но эта работа в настоящее время ведется. Таким образом, сейчас уже созданы необходимые условия для исследования и оценки вклада А.Е. Снесарева в военно-философскую проблематику.

Надо заметить, что военно-философские взгляды Снесарева формировались в последнее десятилетие XIX в. В то время в России общественная мысль активно обсуждала философские проблемы войны. К традиционному интересу к войне с позиций как к ней лучше подготовиться и как добиваться в ней победы прибавились более сложные мировоззренческие вопросы: «Почему люди воюют вообще?», «Война – естественное или неестественное явление для природы человека, соответственно, устранимое или неустраняемое?» Мнения по этим вопросам поляризовались. Л.Н. Толстой, олигарх И.С. Блюх и их сторонники отстаивали взгляды, согласно которым война – это неестественное явление по отношению к природе человека, она может и должна быть устранена, война изжила себя, угрожает разрушить экономику, существующую финансовую систему и т.д. Противоположную позицию отстаивал известный генерал М.И. Драгомиров и его сторонники. Дискуссия велась на отрицании противоположных мнений, продуктивных результатов для науки о войне она не давала, но укореняла в общественном мнении антивоенные настроения. Известна оценка позиций основных участников спора о войне, данная Снесаревым в курсе лекций по «Философии войны», созданном в 1919 г.

«Только в России могла найти себе приют и поощрение такая компиляторская мазня – невежественная и нескладная – как пятитомное творение И.С. Блюха «Будущая война», а почему, да только потому, что она

всеми неправдами старалась доказать, что война, во-первых, дело в высокой степени мерзкое и что, во-вторых, она в будущем должна прекратиться по целой сотне мотивов, которые старательно вымучивал из своей банкирской головы почтенный автор, и которые блестяще фактическим издевательством были разбиты в минувшую великую войну 1914–1918 гг. Пять книг едва ли кто удосужился прочитать, но главную мысль уловили, книгу одобрили и оказали ей приют. Затем, опять-таки, только в России мог найти себе столь плодотворную жатву Л.Н. Толстой, как художник, давший нам дивные образы военных и чарующие картины боевых обстановок и столкновений, но как мыслитель старавшийся все свои – с этой стороны небольшие – ресурсы приложить к тому, чтобы опорочить, высмеять и унижить войну и все военное. И многие ли насладились великим военным художником, но маленького военного мыслителя расценило и превознесло большинство» [здесь и далее цит. по: 1].

Первая Мировая война существенно повлияла на формирование военно-философских взглядов А.Е. Снесарева. В качестве фронтового полковника и генерала он пробыл на этой войне более трех лет (с июля 1914 по ноябрь 1917 г.) Как сложившийся ученый, Снесарев всесторонне изучал войну и делал удивительно глубокие военно-философские выводы. Они зафиксированы в его письмах и дневниках.

С ходом войны Снесарев все больше интересуется вопросами стратегии, хотя ее проблемы не входили в круг его служебной деятельности, но к этому его побуждал неудачный ход войны. Его интересуют не только частности войны, проблемы военного искусства, но и война как общественное явление, ее природа, постоянные и переменчивые факторы, их соотношение. Мысль его непрерывно углубляется с ходом войны. «Война – это что-то особенное, она все меняет, все освещает под своим углом, все расценивает и раскладывает по-своему. О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано» (Из письма 28 сентября 1914 г.) Это вывод, сделанный в конце первого месяца войны. Командуя боевыми действиями пехотного полка, полковник А.Е. Снесарев приходит к выводу, что принятая в русской армии тактика не отвечает условиям и требованиям ведущейся войны. Он считает, что для разработки новой, огневой тактики надо опереться на арсенал отечественной военной истории, взять из него подходы Суворова и Скобелева. Он это делает, но тактика не решает всех проблем успешного ведения войны. Это все больше с ходом войны беспокоит и возбуждает желание послужить в штабах, причастных к решению стратегических вопросов. «Война полна загадок, и нам, которые живут и мыслят в ее сферах, хочется возможно глубже проникнуть в ее тайники, как духовные, так и материальные. И странно, каждая война идет со своими законами и правилами, ломает то, что было как будто бы и прочно установлено ее предшественницей, создает новое полотно истин. Я часто по целым часам ломаю голову над целой суммой вопросов, и свое бессилие их решить объясняю недостаточно удобной перспективой моего положения... слишком

у меня в моей работе мало стратегии и все заполнено сплошной тактикой» (Из письма 6 мая 1915 г.)

Его все больше занимают проблемы войны как общественного явления. «Удивительно, как меняется на войне обстановка; то, что людьми переживается месяцами, а государствами в сотни лет, на войне первыми переживается в часы или минуты, а государствами в месяцы» (Из письма 23 августа 1915 г.).

Снесарев считает, что постижение идущей войны чрезвычайно важно для будущих поколений. «Веду дневник почти без пропусков. Мне очень жаль, что в бытность с Павловым я не мог делать чего-либо подобного; но командир полка более вольный человек, чем начальник штаба, который не может позволить себе такую роскошь. О событиях в дневнике я пишу мало, больше останавливаюсь на думах и впечатлениях, проверяю свои старые выводы и мало помалу стараюсь разобраться в легионе поднятых войною тем. Она должна перевернуть всю Европу, перечертить государства, пересмотреть некоторые науки и дать новый тон искусствам; и нам надо суметь почерпнуть из нее все те поучения и выводы, которые только можно сделать, дабы по возможности облегчить плечи наших детей и внуков» (Из письма 28 августа 1915 г.).

Мысль его в постижении войны все время идет дальше, приходит к выводу, что способности народа и государства вести войну закладываются задолго до ее возникновения: «Воюют не в момент только войны, а воюют много раньше, чем раздались первые звуки выстрелов: женщины рожают и воспитывают воинов, ученые изучают войну и ее новые формы, заводы льют пушки и готовят снаряды... Да еще вопрос – насколько 2-е и 3-е существенное дело, может быть, зерно победы в том, кто кого перерождает, какой страны женщина более окажется сильной в выполнении своей государственной задачи». (Из письма 9-10 февраля 1917 г.).

Приведенные положения позволяют сделать вывод, что совершенно не случайно А.Е. Снесарев – генштабист и строевой командир (в годы Первой мировой войны он был начальником штаба казачьей и пехотной дивизий, армейского корпуса, командовал полком, бригадой, дивизиями, армейским корпусом, а в Советское время он был военным руководителем и организатором Северо-Кавказского военного округа, командующим Западным участком Завесы, отдельной армией – Белорусско-Литовской 16) будучи назначенным в 1919 г. начальника Академии генерального штаба РККА (на этой должности он пробыл два года), он начал с разработки программы и создания курса лекций по «Философии войны». До него такого курса не было. Снесарев посчитал его необходимым для полноценного военного образования. Он посчитал, что вкрапление философии в стратегию было неоправданным, малопродуктивным.

Снесарев исследовал мнения о войне известных авторитетов науки и культуры и сделал вывод, что мнения людей о войне мало что значат. Они прекрасны по форме, но все они находятся на уровне веры, а не науки. Практический смысл их нулевой, или негативный, дезориентирующий

общественное мнение. Война как бы властвует над судьбами народов, независимо от отношения к ней тех или иных личностей, групп и даже целых народов. Поэтому задача науки заключается в изучении войны, ее исторической эволюции, реалистической оценки хода исторического развития. Борьба против войны без глубокого знания природы мирового алгоритма истории мало продуктивна, а порой и контрпродуктивна.

А.Е. Снесарев на основе изучения Первой мировой войны сделал целый ряд глубоких выводов о новых тенденциях в развитии войны.

Война ведется не только мечом, а и другими средствами, в том числе пропагандой. «Мы думаем, что стратегии так же, как операции или бою, свойственна непрерывность напряжений, ударность без отдыха и ослаблений до окончательного повала на колени: философски нельзя мыслить себе стратегию, понимая под таковой специальный вид людской деятельности, как напряжение с перерывами; в той борьбе не на живот, а на смерть, которую она олицетворяет, нет места ни пощаде, ни отдыху, ни перерывам. А непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии будут тогда лишь восстановлены, если «операции» придать более уширенный смысл, чем тот, который ей придает автор; тогда промежутки между «операциями» автора не будут провалами, а лишь какими-то другими операциями, в которых стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.»

Война идет вширь и глубь по охвату сфер общественной жизни и территорий воюющих государств. Войну нельзя ограничивать полями сражений, как это было в прошлые века.

Заглавную роль в военной борьбе играют информационные процессы. Вот как об этом он пишет в рецензии на книгу А.В. Сергеева «Стратегия и тактика Красного Воздушного Флота»: «Никак нельзя согласиться с распределением задач авиации (64 стр.) в той его части, где в качестве параграфа приведена задача: «пугать, давить на психику войск и населения». Эта задача не является слагаемым, а основной задачей, синтезом всех остальных; для нее и, главным образом, для нее выполняются остальные задачи: наблюдается или поражается противник, разрушаются мертвые цели, ведется политическая работа и т.д. Война, а в частности бой, есть накопление ужасов, прежде всего, ведущее к потрясению и конечной прострации духа и нервов армии и народа... Не сам ли автор упоминает о прекрасных словах Серинии, который поражение психики врага считает конечной целью боя».

Особое место у Снесарева занимает исследование и оценка творчества Клаузевица. В 1924 г. им написана специальная работа, в качестве обширного предисловия к изданию основного труда Клаузевица «О войне». В результате получился самостоятельный труд, одно из лучших исследований творчества Клаузевица, как военного философа. В нем Снесарев дал удивительно глубокую краткую оценку всех восьми частей

этого труда. Особый философский интерес имеет его оценка первой части. Позволю себе привести ее полностью:

«Первая часть устанавливает тот исходный базис, который является особенностью творения Клаузевица и делает последнее всеобъемлющим и великим. Он устанавливает природу войны не только как «чисто военного» явления, а как общесоциального, лежащего в природе человеческих отношений и в особенности природы самого человека. Этот широкий базис даёт ему возможность сблизить войну с другими явлениями и вложить её в общую систему человеческих деяний страданий и радостей. Книга сразу получила необъятные горизонты, она этим-то выбилась на первое место среди груды сырья и посредственности.

Из подобного определения войны вытекла затем, как логически естественная формула, что стратегия является ничем иным, как продолжением той же политики, но с иными средствами... формула, разорвавшая, Гордеев узел старых путаниц и сентиментальностей.

Но из той же основной базы автор вывел и другую идею также капитальной важности, идею о двойной природе стратегии, об её полярности. Так как эта идея была им только набросана, а разработать её он не успел, то крупнейшая идея была заглушена громом решительных кампаний 1866 и 1870–1871 гг. И прочно забыта. Только в наши дни, трудами исторической критики, а также многострадальными событиями мировой войны 1914–1918 гг. эта идея вновь оживлена и тем за Клаузевицем восстановлена честь её создания».

Речь идет о стратегии сокрушения и измора. Что касается стратегии сокрушения, то она не вызывала больших споров, наоборот, была понятна. Поскольку нашла яркое подтверждение в указанных войнах Пруссии с Австро-Венгрией в 1866 году и с Францией в 1870–1871 гг. В Первой мировой войне имели место и стратегия сокрушения, и стратегия измора. Однако последней не было уделено должного внимания, она была отнесена на счет отсутствия больших полководческих талантов в этой войне, не нашедших. Поэтому не были оценены такие факторы стратегии, как информационно-пропагандистская борьба, восстановление и наращивание военно-экономического потенциала, использование внутренней политической борьбы, создание групп влияния и т.д. В Советское время после Первой мировой войны абсолютизировалась стратегия сокрушения, обращение к стратегии измора некоторые военные теоретики трактовали как пораженческий капитулянтский подход. Он был неверным и с теоретической точки зрения, как не учитывающий двойственную природу военной стратегии, так и ущербным с практической точки зрения, так как в войнах стратегия не только избирается, но и диктуется складывающейся обстановкой.

Недооценка стратегии измора продолжалась и после Второй мировой войны. В ее анализе и оценках особое внимание уделялось ударным операциям. Появление ракетно-ядерного оружия еще больше усилило акцент на ударную стратегию, хотя масштабы сокрушения от ракетно-ядерных

ударов переходили границы всякой рациональности при большом накоплении этого оружия обоими сторонами. Выход был найден в стратегии измора. Наряду с поддержанием готовности к ракетно-ядерной дуэли была развернута нетрадиционная война, которую назвали Холодной. Эта война длилась почти полвека. Тенденция развития войны в этом направлении была осознана А.Е. Снесаревым очень глубоко. Он не просто высоко оценил глубокие философско-социологические понимание войны Клаузевицем, но и существенно развил его идеи на основе войн 2-й пол. XIX и 1-х десятилетий XX в., прежде всего, Первой мировой войны.

Снесарев не только по достоинству оценил широкий социологический подход Клаузевица к войне, как общественному явлению, но и указал на сумму тех факторов, которые расширяли содержание войны и позволяли преодолеть узкопрофессиональный подход к ней, как только к процессу ведения вооруженной борьбы. В этом отношении к числу особых заслуг Клаузевица он относил морально-психологическое состояние войск и народа и интеллектуальные способности руководства: «Устанавливая широкую базу для понятия войны Клаузевиц естественно должен был расширить и сумму обуславливающих её факторов. Среди них мы видим ясно подчеркнутую категорию моральных факторов и тех причин, какие ведут к их подъёму или понижению. Среди двигателей, влияющих на бой, автор выделяет два: страсти, охватывающие нацию и гений полководца. Это конечно, далеко не полная сумма, о средствах могущих вдохновить армию, почти не говорится, но как метод, это было поучительной новостью. Зато анализ военного гения поражает блеском содержания и широтой своего замысла. Среди пружин морального настроения мы находим интересно проанализированными страх, физические напряжения, сведения на войне, трения, – термин, введённый автором впервые и т.д.».

Со времени Снесарева война далеко ушла вперед на плечах научного и производственного прогресса XX в. Сегодня она способна стать средством не только суицида по отношению к отдельным народам, но и актом геноцида для рода человеческого. Большие успехи сделала военная наука, как наука о подготовке и ведении войны. Но немного сделано в развитии науки о войне, как общественном явлении. Причин отставания науки о войне много. Но среди них немаловажной является и такая, как невостребованность отечественной военно-философской мысли, творческого наследия А.Е. Снесарева, Н.Н. Головина, Н.Л. Кладо, упорно работавших над развитием науки о войне. Именно опираясь на их труды, и, прежде всего, на труды Снесарева, современная военно-философская мысль может и должна сделать крупный шаг в постижении природы и современных тенденций развития войны, миро-военного алгоритма исторического процесса.

Перед военной теорией и военными кадрами молодого Советского государства встали задачи исторической важности и огромной трудности:

а) необходимо было осмыслить новую историческую ситуацию в мире и стране с точки зрения места и роли в жизни народов и государств вооруженного насилия, войн, конфликтов, а также характер начавшейся

исторической эпохи и ее влияние на военное дело и закономерности его развития;

б) нужно было найти теоретическое решение задачи строительства новой армии и выбрать способы ее практического осуществления, решить проблему укрепления оборонной мощи страны, защиты Отечества в сложной и противоречивой международной военно-политической и военно-стратегической обстановке;

в) предстояло выработать новые принципы и на их основе найти формы и способы ведения войны и вооруженной борьбы, адекватные достигнутому уровню развития военного дела, экономики, науки и техники. Они должны были не только не уступать формам и методам ведения войн и вооруженной борьбы, применяемым действительными и вероятными противниками, но и превосходить их.

Решение этих и других задач сопровождалось осмыслением и критическим использованием исторического опыта, достижений отечественной и зарубежной военной мысли.

Сложность решаемых военной теорией задач требовала глубоких, в первую очередь философских, подходов к оценке сложившейся ситуации, прогнозированию событий и выработке на этой основе верной и высокоэффективной военной политики; формирования учения о войне и армии, о защите социалистического Отечества; разработки философско-социологических проблем военной науки, с одной стороны, и теоретических проблем вооруженной борьбы, военного искусства – с другой. Особое место заняло создание теории глубокой операции и боя, продвинувшей военную науку далеко вперед. Немало было сделано и в теоретическом обосновании строительства вооруженных сил, их боевой готовности и боеспособности, обучения и воспитания личного состава. Успех в этом деле достигался благодаря тому, что разрабатывались прикладные проблемы военной науки, без решения которых немислимо обеспечение единства военной теории и практики.

В целом развитие военно-теоретической мысли в СССР привело к созданию новой «теории победы» на основе обобщения всех сфер научного знания. Ядро, ведущие положения этой теории сформировались в рамках военной науки и учения о войне и армии на основе марксистского мировоззрения и диалектико-материалистического метода. Правда, «теория победы» как таковая нигде не излагалась. В трудах военных теоретиков обычно речь шла о военной победе, условиях и путях ее достижения. В «теории победы» можно выделить три уровня. Первый, наиболее общий, включает в себя положения и выводы о неизбежности победы Советского Союза (в случае, если ему придется вступить в войну), вытекающие из закономерностей общественного развития, состоящего в смене общественно-экономических формаций. Считалось, что, поскольку социализм исторически является более прогрессивной системой, чем капитализм, постольку он создаст необходимые материальные и духовные предпосылки для

превосходства военной организации социализма над военной организацией капиталистических государств.

Кроме того, предполагалось, что социалистические преобразования и миролюбивая внешняя политика Советского государства обеспечат ему широкую поддержку народных масс в своей и других странах, как и солидарность трудящихся всего мира.

Важным элементом первого уровня «теории победы» являлось также положение о преимуществах вооруженного насилия, осуществляемого передовым, революционным классом, над вооруженным насилием реакционных классов. Оно гласит: вооруженное насилие со стороны рабочего класса всегда будет в конечном счете победоносным, потому что опирается на более высокую социально-экономическую организацию, на более передовой общественный класс. «Насилие можно применить, – писал В.И. Ленин, – не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применять насилие, опираясь на передовой класс, на более высшие принципы социалистического строя, порядка и организации. И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно непобедимо» [2, с. 369–370].

Таким образом, возможность победы Советского Союза в войне вытекала из признания закономерности и неизбежности победы нового, прогрессивного общественного строя – социализма, идущего на смену старому общественному строю.

Второй уровень составляли положения и взгляды, вытекавшие из анализа и оценки диалектической связи характера войны с основным содержанием эпохи, в которой она неизбежно должна была возникнуть, а также из оценки характера политических и военных целей, во имя которых эта война развязывается и ведется.

Исходя из тезиса о том, что каждая эпоха имеет свои войны, военная теория особое значение придавала оценке политического содержания войн и определению их социальной роли; она считала, что политическое содержание определяет прогрессивную или реакционную роль войны в общественной жизни, историческом процессе, что в зависимости от этого каждая война имеет справедливый или несправедливый характер. При этом под справедливой понималась война, которая ведется народом во имя свободы и социального прогресса, за освобождение от эксплуатации и национального гнета или в защиту своей государственной независимости против агрессивного нападения. И наоборот, всякая война, развязанная с целью захвата чужих территорий, порабощения и грабежа других народов, является несправедливой. Справедливые войны имеют прогрессивную направленность, а несправедливые – противоречат историческому прогрессу. Однако подчеркивалось, что вопрос о законности и справедливости войн недопустимо смешивать с вопросом об их целесообразности: справедливая война всегда имеет характер ответной реакции народа на агрессию, эксплуатацию и насилие со стороны реакционных классов.

Возможная война, которую могут навязать Советскому Союзу, рассматривалась, безусловно, как справедливая по происхождению, целям, характеру и отношению к ней народных масс. И Великая Отечественная война 1941–1945 гг. это полностью подтвердила.

Третий уровень «теории победы» составили положения и выводы собственно военного характера: некоторые из них были разработаны еще до Великой Отечественной войны, однако достигли наибольшей полноты в ее ходе, а иные, напротив, стали продуктом военно-теоретической мысли военных лет.

В целом военной наукой тогда признавалось, что военная победа – это разгром вооруженной силы противника или нанесение ему такого поражения, которое лишает его возможности вести в дальнейшем войну (военные действия); захват вражеской территории, наиболее важных административных, промышленных и иных объектов; лишение противника союзников, а также необходимых ресурсов; деморализация войск и населения, отвлечение сил и т.д. Здесь речь идет о нанесении другой воюющей стороне потерь в живой силе, разрушении промышленности, других отраслей хозяйства, уничтожении или поражении административных, политических, научных и иных центров, без чего она перестает быть субъектом вооруженной борьбы и войны в целом.

При этом признавалось, что решение этих задач будет более эффективным, если верно будут определены политические и военные цели войны, отдельных ее этапов, кампаний, операций, с одной стороны, а с другой – будет обеспечено рациональное использование привлекаемых для этого материальных и духовных сил, использованы благоприятные условия и возможности при одновременном парировании или нейтрализации неблагоприятных.

Успех войск в борьбе с противником связывался с наступлением, для которого необходимо было определенное (количественное и качественное) превосходство над ним. В ходе войны особое значение имело достижение военно-технического превосходства, от которого зависели основные факторы вооруженной борьбы – огонь, движение, удар – и приобретали все большее значение их пространственно-временные соотношения. Разработанная теория глубокой операции (боя) в ходе войны была дополнена и обогащена положениями об артиллерийском и авиационном наступлении; о новых формах взаимосвязи обороны, контр наступления, наступления; о согласовании ударов по противнику регулярных войск с действиями партизан, сил сопротивления, действиями союзников и некоторыми другими.

Достаточно обстоятельно были разработаны положения о взаимосвязи (взаимодействии) политики и стратегии, стратегии, оперативного искусства и тактики в борьбе за достижение победы над противником; о роли инициативы, внезапности, сосредоточения и рассредоточения войск в зависимости от целей, обстановки, условий. Признавалось, что оценка каждой победы должна быть конкретно-исторической либо в контексте данной войны, либо всего исторического процесса.

Военная теория рекомендовала учитывать зависимость побед и поражений, их содержания и значения от:

а) характера войны и содержания той эпохи, в которой была развязана, протекала и завершалась война;

б) характера политических и военных целей, во имя которых развязывается и ведется война, а также от материальных и духовных средств, используемых для их достижения. Речь здесь шла о соразмерности целей и средств каждой воюющей стороны, а также о соотношении политических и военных целей противоборствующих сторон, о соотношении сил между ними.

К сожалению, в «теории победы» не получила развития проблема ее цены. Разработка этой проблемы началась лишь в послевоенное время в новых общественных, военно-политических и военно-стратегических условиях.

В Новейшее время военная теория, военная наука развивались на двух противоположных социально-политических, мировоззренческих и идеологических основах. Это, в свою очередь, предопределило наличие существенных различий в военной теории стран Запада и Советского Союза. Критерием истинности ее положений стала Вторая мировая война 1939–1945 гг. В ней были доказаны правильность и передовой характер важнейших положений военной теории Советского Союза – государства победителя. Вместе с тем война вскрыла известную ограниченность основных положений военной теории других стран-победительниц – США, Англии и Франции, а также авантюристический характер общих положений и принципов военной теории побежденных стран – Германии и Японии.

Список использованных источников:

1. Даниленко, И.С. Вклад Снесарева в постижение войны [Электронный ресурс] / И.С. Даниленко. – Режим доступа: <http://a-e-snesarev.narod.ru/statyi.html>

2. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5 [Текст] / В.И. Ленин; ред. А.И. Гладков; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 38; март – июнь 1919. – М.: изд-во полит. лит-ры, 1969.